

Денис ЛИПАТОВ

НА ЛУННЫХ БАТАРЕЙКАХ

Изяслав Винтерман. Пчеловек: Сборник стихотворений. – М.: Воймега, 2019. – 68 с.

Книга Изяслава Винтермана «Пчеловек» производит странное впечатление. Это словно не русские стихи, написанные на русском. То есть как инструмент русский язык применён здесь для описания понятий и образов, не то чтобы ему совсем не знакомых, но непривычных, традиционно не попадающих в поле зрения русского поэта. Это не хорошо и не плохо, но, по крайней мере, интересно. Например, в книге есть стихотворение с таким нетривиальным названием, как «Автобусная молитва в понедельник», а, скажем, стихотворение «Фантасмагория» начинается так:

Мэром – женщина. Лейтенант –
из отдела особо тяжких –
темнокожая. Город Нант
дал карт-бланш ей: в многоэтажках
уничтожить и спрос и сбыт...
Жесть! Тридцатые по ней плачут...

Далее появляются «детектив с пээмэсом» – «глазки-молнии, стрелки-губки», и консультант-гей, появление которого приветствуется возгласом «наконец-то!» и «ура, гейюр!», что, как поясняет автор в сноске, является игрой слов, означающей, что этот весёлый консультант, кроме того что гей, ещё и исповедует иудаизм, так как «гейюр» образован сращением *гей* и *гиюр*, а *гиюр* – это как раз и есть процесс обращения в иудаизм. Согласитесь, мизансцена для русского стихотворения необычная. В финале становится понятен и смысл названия, и смысл самого мини-сюжета: вся картина дана глазами вновь прибывшего эмигранта, человека уже не молодого, с устоявшимися ценностями, и которому ещё всё здесь в диковинку, но внутренне он уже напуган новым миром, происходящей в нём «фантасмагорией»:

Смерть на кону и сердец джихад –
и не шалом им или лехаим!
Опасный народец... Под треск цикад
мы на развалинах отдыхаем
и вспоминаем минувшие дни,
будущие... В пять часов пополудни –
в новый мир – пусть цветут все огни! –
добро пожаловать!.. О, как безлюдно...

Здесь, как мне кажется, чуть ли не прямым текстом обозначен главный мотив всего сборника: духовной неприкаянности героя в новом мире, чувство чужеродности себя для него, непреодолимого в нём одиночества. Возглас «О, как безлюдно!» после череды таких ярких персонажей говорит сам за себя. Развалины, на которых под треск цикад отдыхает лирический герой в финале стихотворения – безусловно, развалины старого, привычного мира, хотя по времени ещё и недавнего, но в какой-то степени уже античного – настолько молниеносны и необратимы перемены, настолько ослепительны фантасмагории, происходящие в мире новом.

Попробуем же проследить, как развивается этот мотив. Уже название книги – «Пчеловек» – даёт нам некоторые подсказки. Что это за странный гибрид – пчелы и

человека? И что в нём от пчелы, а что от человека? Пчела, она ведь тоже в своём роде неприкаянна, вечная странница – от цветка к цветку, в поисках нектара, которым в итоге сама не пользуется, стараясь для других. Но нам трудно вообразить, чтобы пчела могла по этому поводу рефлексировать, поскольку она не обладает личностью, она только миллионная частица другого, *большого* организма – улья – она не сама по себе. Для нас и для улья ни одна пчела не уникальна, они абсолютно взаимозаменяемы. Не то человек. Именно осознание своей уникальности, своей личности и делает человека человеком. Получается, от человека в «пчеловеке» – личность. От пчелы вечные странствия и неприкаянность, от человека – способность это отрефлексировать, осознать. То есть «пчеловек» – это пчела, которая почувствовала свою личность, свою самость, осознала (а с точки зрения улья – возомнила) себя уникальной единицей, а не взаимозаменяемой частичкой целого. Разумеется, ни в каком улье такая пчела не нужна. Как следствие, духовная неприкаянность усиливается вполне реальными одиночеством и бездомностью, пчеловек везде и всем чужой:

Я бы отрастил не живот, а жабры
(надо меньше пить, надо меньше есть).
Я бы спал на дне. Ноябри-декабри
проплывут, как тень, сколько их, не счесть.
Стал бы я далёк там, на дне и глубже.
(И не надо есть, и не надо пить,
трепыхаться зря...) Рыбка, приголубь же,
ну, прости-прости, глупо торопить.
Я и здесь чужой, я глотаю пену.
То один такой, то уже не счесть...
Тени кораблей приплывут на смену,
я взойду на борт, принимая честь.
(«Я бы отрастил не живот, а жабры...»)

Соответственно, с обретением личности меняется и зрение, и понятийный аппарат. Пчела не может оперировать такими понятиями, как: «любовь», «боль», «вера». Не может оценить, насколько хрупок и раним окружающий её мир, она, в конце концов, лишена способности сочувствовать. Пчеловек же всё это обретает вместе с личностью:

Я вижу мир прозрачным: колесо
вращается и подгоняет воду.
И звери гор, долин, полей, лесов –
стекаются к цементному заводу
и предъявляют счёт полубогам,
людишкам из большого профсоюза.
Я вижу, как прозрачны шум и гам
и требуют не веры, а эскюза;

как мир раним и хрупок, а не твёрд...
Железные к душе не дали яйца,
чтоб наплевать на всю шеренгу морд,
не чувствуя, как адской болью мается
зверьё, людье, ослепшие кроты.
И бог, сошедший в сонные долины
между мирами, – лишь перекасти –
любовь... Храни её, ещё путь длинный.
(«Я вижу мир прозрачным: колесо...»)

Удивительно и то, а может быть, и закономерно, что пчеловек не становится своим и среди людей. Двойственность его природы не позволяет в полной мере ощутить себя сопричастным жизни людей, их стремлениям, их горю или радости. Самим пчеловеком это ощущается даже на уровне энергообмена:

Кто на солнечной батарее, а я на лунной.

Кто слезами жив, кто жемчужным смехом.

И смешная жизнь кажется юной
приезжей за счастьем и успехом.

(«Кто на солнечной батарее, а я на лунной...»)

Ещё одним приобретением пчеловека, идущим «бонусом» к личности, является, конечно, душа. Это открытие поначалу его озадачивает. Пчеловек, прислушиваясь к себе, пытается разобраться, что же это такое, свойственно ли это только ему, или она есть у всего живого:

Ты внутри меня,
как внутри коня,
как внутри кота и бурундука, –
значит, вместе мы раздуваем ноздри
и глядим вокруг
на траву и луг.
И природа вся, как твоя, – дика,
и бросает в нас кто-то с неба звёзды.

И подумаешь: может быть, это бог...
Но и смертный тоже такое мог:
и создать,
и сам оценить: «Прекрасно!»
То есть полюбить, как отец и мать,
то есть всё принять с головы до ног:
первый слой – Рублёв,
а второй – Пикассо.

А снаружи свет, и трава, и снег.
Я дышу, люблю и вдыхаю счастье.
Но копытом бьёт, убыстряя бег,
раздувая ноздри, не человек,
бог весть кто – но он ко всему причастен.

(«Ты внутри меня...»)

Попутно, разбираясь с тем, что же такое душа, пчеловек осознаёт свою смертность, приходит к идее бога, к идее своей сопричастности всему живому и, как следствие, идее сотворчества богу, которое выражается в самых простых действиях: «я дышу, люблю и вдыхаю счастье». И, наконец, он поднимается до способности и права оценивать, сказать об окружающем мире: «Прекрасно!»

Обретение вместе с личностью души понимается пчеловеком как самая ценная метаморфоза, произошедшая с ним, которая перевешивает все остальные «минусы»: неприкаянность, одиночество, бездомность, ощущение чужеродности. Примат души над телом для него безусловен. Даже в моменты нервных срывов, как, например, в стихотворении «Надёжнее Крыма прохладный Париж...» пчеловек об этом помнит:

...как я ненавижу то Крым, то Париж,
дней пену цветную и кружев.
**А тело откажет – душой воспаришь,
Откажет душа – будет хуже.**

Само же это стихотворение является своеобразным апофеозом в книге, в котором звучат все ранее услышанные нами мотивы, хотя и звучат они каким-то смятением и смешением: Россия, Париж, англичане, славяне, Крым, Коломна, какие-то Анжу и Филипп – всё здесь перемешано, словно дикая или взбесившаяся пчела носится в отчаянии от цветка к цветку:

Надёжнее Крыма прохладный Париж.
Все сто англичан на учёте.
Никто не плывёт по реке между крыш,
не падает с крыши, в полёте
крича: «Подымайтесь, день славы настал,
к оружию, братья-славяне!..»
Но я из России, я дико устал,
я дик по природе – не встанем!*

Я жив-полумёртв, то есть полулежу,
пою про Анжу и Филиппа.
Понятно всё-всё про меня и ежу,
но всё это чистая липа:
я тайный агент, я продался врагам
за домик в Крыму и в Коломне,
за рыжий закат над Парижем, за грамм... –
но совести чистой вколол мне...
Я имя огласке его не предаю,
я больше не в пятой колонне... и т.д

(«Надёжнее Крыма прохладный Париж...»)

(*Не знаю, запланирован ли автором комический эффект, который возникает в этой строчке при сочетании прилагательного «дик», совпадающего по звучанию с английским ругательством, равнозначным самому обиходному русскому, тоже из трёх букв, и глагола «не встанем», но он есть.)

Далее идёт пассаж о ненависти, производящий впечатление истерики или нервного срыва, в середине которого мы встречаем уже цитированное четверостишие о душе и теле, а заканчивается стихотворение как будто библейской гравюрой Дюрера:

Я всё это помню, но память пуста,
И носится дух, неприкаян.

Как видим, пчеловек заплатил сполна за привилегию быть личностью и обрести душу. Мотив неприкаянности оказался лейтмотивом всей книги.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о книге и о поэте вообще. Изяслав Винтерман поэт замкнутый, скрытный, даже холодный, словно и правда на лунных батарейках. Его поэтике не свойственны какие-то автобиографические ноты. Например, не зная его биографии, а прочитав только стихи из «Пчеловека», мы никогда не смогли бы сказать, что он родился в Киеве, что прожил там значительную часть жизни, а теперь живёт в Израиле. Нет в стихах и каких-то специфических украинских или еврейских мотивов, что, в общем, прекрасно согласуется с темой неприкаянности.

Винтерман предпочитает не говорить в стихах «о личном». И, надо сказать, эта позиция вызывает уважение: не всякому понравится, когда к нему на шею кидаются с исповедью, и сама по себе пресловутая «исповедальность» не является обязательным признаком хорошей поэзии, может быть даже, в последнее время наоборот.

Нельзя не заметить склонность Изыслава Винтермана к словотворчеству: кроме самого «пчеловека» мы встречаем у него «хот-бога» (так называется первый раздел книги) и, например, «пораженщину» (в стихотворении «В этом времени было и будет в другом?..»). Интересно, что само слово «пчеловек» ни в одном стихотворении не встречается, а используется только как название книги и второго её раздела.

В небольшой рецензии на «Пчеловека» в журнале «Гостиная» (№106, 2020) Эмиль Сокольский пишет: «... Винтерман прежде всего остаётся для меня автором отдельных строк, которые сразу “цепляют” и даже запоминаются – именно в силу юмористически-иронической окраски: “Все с мобильниками – как на горячей линии, / откровения ждут мирового масштаба”; “То ветка дерева, то ветка разговора – стучат в меня...”; “Там, я январе, от чёрного пруда, / где животами мерились сугробы...”; “Я застрял на северной границе, / не могу проснуться, / возбудиться деревом и птицей, / неба блюдцем”. С другой стороны, нельзя не сказать, что если читать стихотворения целиком, то они рассыпаются на словесно-смысловые обломки; правильность речи – как ни парадоксально, чужда природе Изыслава Винтермана». Всё-таки, не могу согласиться с таким мнением. И сама книга «Пчеловек», и стихи в ней показались мне вполне цельными, не рассыпающимися ни на какие «словесно-смысловые обломки». Именно собранные вместе, эти стихи как бы подхватывают друг друга, логически дополняют, развивают, ведут к одной цели, к заветной авторской мысли, вот той самой: *откажет душа – будет хуже*. Ну а способность поэта создать или увидеть такой замечательный образ, как «меряющиеся животами сугробы» уже является надёжной гарантией высокого уровня стихов Изыслава Винтермана, своеобразным «знаком качества». Изыслав Винтерман щедрый поэт. В аннотации указано, что он автор более десяти книг стихов. Интересно, что первая книга, изданная в 1989 году, называлась «По дороге со всеми». Любопытно было бы в неё заглянуть. Как видно из «Пчеловека», позже эти дороги сильно разошлись, и поэт Винтерман решил идти не со всеми, что, в общем, закономерная эволюция для любого уважающего себя поэта – доказать свою уникальность, невзаимозаменяемость, обрести свою творческую личность, пусть даже «на лунных батарейках», пусть даже и ценой неприкаянности, превратившись в причудливого, невиданного никем «пчеловека».